
Андрей Глухов
ЗВЕРОСОВХОЗ „НОВОНИКОЛАЕВСКИЙ"
ЗВЕРОСОВХОЗ
ПОВЕСТЬ

Андрей Глухов
Зверосовхоз

https://litres.ru/73915658
SelfPub; 2026

Аннотация

Образцовый совхоз «Новониколаевский». Переходящее Красное знамя. Передовики на доске почёта. А под бетонными полами — неучтённая меховая фабрика с тремя ярусами клеток и оборотом в полмиллиона рублей в год.

Хозяев двое. Грузинский экономический преступник, понявший: советская плановая экономика — это склад без охраны для того, кто умеет заполнять накладные. И дочь расстрелянного большевика, превратившая ненависть к государству в машину по отъёму государственных средств. Они не любовники. Они делят прибыль.

В команде — бухгалтер, водящий за нос министерство. Снайпер с прейскурантом на устранение. Цыганский барон с подпольным цехом. Крышует всё генерал КГБ.

Семь лет машина работает без сбоев. Шубы носят жёны министров. Но у любой империи есть изъян — человеческая природа. Жадность. Одержимость. Роковая страсть. Однажды баланс не сойдётся, и стрелять начнут свои.

Криминальная драма без блатной романтики. Бизнес. Цифры. И финальная проводка, где дебет никогда не сходится с кредитом.

Андрей Глухов
Зверосовхоз

Они построили империю под землёй. Теперь земля ждёт их.

Подмосковье, 1965 год. Среди сосновых лесов стоит образцовый зверосовхоз «Новониколаевский» — переходящее Красное знамя, трудовая доблесть, фотографии передовиков в районной газете. На бумаге здесь коммунистический рай. Под бетонными полами, на глубине трёх метров, работает другой рай — подземная меховая фабрика, которая не платит налогов, не выполняет план и не признаёт советской власти. Её построили не блатные с зоны, а люди с партбилетами, дипломами и бухгалтерскими калькуляторами. Они поняли главное: советская плановая экономика — это гигантская брешь для того, кто умеет правильно оформлять документы.

Их двое. Георгий Аврамов — бывший тбилисский экономический преступник, человек, который смотрит на государство как на плохо охраняемый склад. И Сталинина Бакрадзе — дочь репрессированного большевика, женщина, превратившая личную ненависть к системе в машину по методичному отъёму государственных средств. Они не любовни-

ки. Не сообщники. Они — соучредители, и их акционерное общество работает на стыке гениальной логистики, двойной бухгалтерии и снайперски точного насилия.

В команде — лучшие. Агроном, оседлавший схему списания кормов. Бухгалтер, способный годами обманывать союзное министерство. Снайпер с прейскурантом на «силовые акции». Цыганский портной с собственным подпольным цехом. Каждый взят на крючок деньгами, шантажом или долей. Их связывает не кодекс чести, а холодный, математически просчитанный баланс страха и жадности.

Семь лет машина работает без сбоев. Шубы из Новониколаевки носят жёны министров, любовницы генсеков, иностранные дипломаты. Деньги текут рекой. Связи проникают в КГБ, МВД и Министерство внешней торговли. Кажется, империя вечна. Но у совершенной системы есть один изъян — люди, которые ею управляют. Оказавшись внутри, каждый из них совершает фатальную ошибку: начинает путать личные амбиции с деловым расчётом. Одержимость наукой. Роковая страсть. Генеральская жадность. Зависть, которая тлеет годами, чтобы вспыхнуть в самый неподходящий момент. Образцовый совхоз превращается в поле корпоративной войны, где каждый — и хищник, и жертва одновременно.

И когда время рушить империю всё-таки придёт, это сделают не громкие разоблачения и не героические следователи. В мире, где предательство — не драма, а просто самый

выгодный из доступных вариантов, империя падёт от рук собственных создателей.

«Зверосовхоз» — это криминальная драма в жанре «корпоративный нуар», перенесённая в советские декорации. История о том, как бухгалтерский баланс становится страшнее пистолета, а жажда наживы оказывается самым эффективным двигателем — и самой надёжной гильотиной. Никакой блатной романтики. Никаких слёз на могилах. Никаких моральных дилемм. Только бизнес. Только цифры. Мех. Деньги. Кровь. И финальная проводка, в которой дебет никогда не сходится с кредитом.

АКТ I: СБОРКА ХОЛДИНГА (1965–1970)

Глава 1. Хорошее место для плохих денег

Георгий Константинович Аврамов въехал в Новониколаевку в четверг, десятого июня, на служебной «Волге» с номерами Министерства сельского хозяйства. За рулём сидел шофёр, взятый на один рейс в Москве, — молчаливый мужик с усами, который не задавал вопросов, потому что ему заплатили за молчание вперёд. В бардачке лежало удостоверение на имя «Аврамов Г. К., старший инспектор отдела пушного звероводства». Печать была подлинной, подпись — поддельной, а должность — вымышленной. Но в совхозе об этом не знали. В совхозе вообще многого не знали.

Дорога от Москвы заняла три часа. Сначала — асфальт Дмитровского шоссе, ровный, как стол, с редкими гаишными постами, которые «Волга» с министерскими номерами миновала без остановок. Потом — гравийка, уходящая в лес, петляющая между сосен, поднимающаяся на пригорки и ныряющая в низины, где ещё не просохли июньские лужи. На двадцать седьмом километре от поворота с шоссе открылся мост через Клязьму — железобетонный, с зелёными перилами и чугунной табличкой: «Построен на средства зверосовхоза "Новониколаевский", 1957 год».

Гога попросил шофёра остановиться. Вышел из машины.

Закурил.

Мост был новым, но уже обжитым: на перилах висели рыбацкие лески, под опорами темнела маслянистая вода, в камышах крякали утки. За мостом, на пологом холме, виднелся посёлок — не разбитая деревня, а аккуратные рубленые дома, крашенные белой и голубой краской, с палисадниками, в которых уже набирали цвет июньские пионы. Дальше, за посёлком, угадывались длинные крытые корпуса ферм, обнесённые сетчатым забором. Над одним из корпусов поднимался тонкий дым — работала сушилка.

Гога оценил расположение за минуту. От трассы далеко — случайные гости не заезжают. Водохранилище — с одной стороны, лес — с другой, единственная дорога через мост — узкое горлышко, которое легко контролировать. Рядом — ни воинских частей, ни крупных предприятий, ни райкомовского начальства. Идеальная изоляция. Идеальная логистика. Идеальное место для бизнеса, которого не должно быть в природе.

— Едем, — сказал он шофёру и сел обратно.

Контора совхоза помещалась в двухэтажном кирпичном здании у центральной площади. Архитектура — стандартная, коробочная, но ухоженная: стены свежепобелены, на окнах — кружевные занавески, на крыльце — половик. У входа стояли две «Волги» — одна директорская, с номером серии «МОС», вторая — без опознавательных знаков, вероятно, чья-то личная. Чуть поодаль — грузовой «ГАЗ-53» с

тентом, в который двое мужиков в телогрейках загружали мешки с комбикормом. Мужики работали молча, не глядя по сторонам. Увидев министерскую «Волгу», один из них на секунду замер, но тут же отвернулся и продолжил работу.

Гога отметил это. В обычном совхозе приезд столичного начальства вызвал бы суету, беготню, выглядывания из окон. Здесь — ничего. Будто гостей ждали. Или будто гости здесь никого не удивляли.

Внутри конторы пахло мастикой для полов, табаком и ещё чем-то — сладковатым, фруктовым, явно женским. Коридор был пуст, только в дальнем конце хлопнула дверь и кто-то невидимый кашлянул. На стене висел стенд с фотографиями передовиков производства — квадратные лица, строгие взгляды, орденские планки на лацканах. Рядом — доска почёта, на которой мелом были выведены цифры: «План по заготовке пушнины — 104%. Надой молока — 98%». Гога скользнул по цифрам глазами. Надой молока его не интересовал. Его интересовала пушнина — и то, сколько её не попадает в эту отчётность.

Приёмная директора находилась на втором этаже. За дубовой дверью с табличкой «Бакрадзе С. И.» сидела секретарша — молодая женщина в синем шерстяном платье, с причёской, скопированной с фотографий из журнала «Работница». Она подняла голову, окинула Гогу взглядом — не оценивающим, а скорее классифицирующим: костюм, портфель, возраст, уровень опасности — и, видимо, сочла допу-

стимым.

— Вы к Сталинине Иосифовне? — спросила она, не здороваясь.

— Аврамов, — сказал Гога. — Министерство. Меня ждут.

Секретарша кивнула, сняла трубку внутреннего телефона, произнесла: «Товарищ из министерства приехал», — и, выслушав ответ, указала на дверь.

Кабинет директора был под стать конторе — аккуратный, без излишеств, но с деталями, выдававшими хозяйку. Шкафы с папками — по алфавиту, с тиснёными корешками. Стол — дубовый, старый, но надраенный до блеска, без единого лишнего предмета: только лампа, чернильный прибор и стакан с карандашами, заточенными под один угол. График на стене — не типовая агитация, а собственноручно расчерченная таблица «План-факт по выходу шкурки», с пометками красным карандашом. Окно — распахнуто, и из него тянуло прохладой с водохранилища, смешанной с запахом нагретой хвои. На подоконнике — пепельница, пустая, вымытая до скрипа, словно ею никогда не пользовались. В углу — сейф, стальной, с двумя замками, явно поставленный не при прошлом директоре, а при нынешнем.

Женщина за столом не встала, когда Гога вошёл. Она подняла глаза от бумаг и смотрела на него так же, как секретарша, — только глубже, с двухсекундной задержкой, за которую в её голове явно происходила быстрая калькуляция. Гога знал этот взгляд. Так смотрят люди, которые привыкли

оценивать контрагента за первые три секунды разговора.

Сталинина Иосифовна Бакрадзе была моложе, чем он ожидал. Лет тридцать пять, не больше. Черноволосая, смуглая, с резкими скулами и губами, которые она не красила, но которые всё равно выделялись на бледном лице — то ли от природы, то ли от того, что она их постоянно поджимала, обдумывая очередную цифру. Волосы убраны в тугой узел, заколотый простой шпилькой. Одежда — тёмно-серое платье из добротного, но недорогого трикотажа, без украшений, кроме обручального кольца на правой руке. Кольцо Гога заметил, но значения не придал — он ещё не знал, что она не замужем, а если бы знал, то отметил бы это как интересную деталь для будущих переговоров.

— Присаживайтесь, товарищ Аврамов, — сказала она, и голос её оказался низким, грудным, с лёгкой хрипотцой — не прокуренной, а природной, как у человека, которому приходится много говорить и мало спать. — Чаю?

— Не откажусь.

Она нажала кнопку селектора, попросила секретаршу принести два стакана. Пока та ходила, они молчали. Гога разглядывал таблицу на стене, Сталинина — его портфель. Оба понимали, что разговор начнётся не сейчас, а когда за секретаршей закроется дверь.

Чай принесли в гранёных стаканах с подстаканниками — серебряными, с гравировкой, явно не из совхозной столовой. Секретарша поставила поднос, вышла, плотно закрыв

за собой дверь. Сталинина отпила глоток, поставила стакан и спросила без предисловий:

— Кто вы на самом деле?

Гога не удивился. Он ожидал этого вопроса — возможно, чуть позже, в середине разговора, но то, что она задала его сразу, говорило в её пользу.

— Хороший вопрос, Сталинина Иосифовна. Можно без отчества?

— Можно. Или Сталя, если мы договоримся.

— Сталя, — повторил он, пробуя имя, как пробуют незнакомый сорт коньяка — не спеша, оценивая послевкусие. — Красивое имя. Нечастое.

— Отец придумал. Он был старым большевиком, умер вскоре после моего рождения. Сердце. Не выдержало того, что партия, за которую он боролся, начала пожирать своих.

— Знакомая история, — сказал Гога. — Мой отец тоже умер. Не от сердца — от пули. В Тбилиси, в тридцать седьмом. Он был сапожником и шил сапоги для человека, которого потом расстреляли. Этого хватило.

Они помолчали. Это не было паузой для скорби — оба давно переварили свои биографии и использовали их только как разменную монету в начале знакомства: я показываю тебе свою рану, ты показываешь свою, мы выясняем, что у нас общий враг. Теперь можно переходить к делу.

— Так кто вы всё-таки? — повторила Сталя. — Удостоверение министерства настоящее, я проверила, пока вы еха-

ли. Печать подлинная. А вот должности «старший инспектор отдела пушного звероводства» в штатном расписании министерства не существует с шестьдесят второго года. Я узнавала.

Гога отпил чай. Чай был хорошим — грузинским, крупнолистовым, не из совхозного буфета.

— Удостоверение настоящие, — сказал он. — И печать настоящая. И телефон в Москве, по которому вы, вероятно, тоже позвонили, подтвердит, что такой сотрудник существует и находится в командировке. Другой вопрос, что этот сотрудник не имеет ко мне никакого отношения. Я просто пользуюсь его документами. Это стоит денег, но оно того стоит.

— Сколько?

— Что — сколько?

— Сколько вы заплатили за такое удостоверение? Мне нужно понимать ваш бюджет, прежде чем я начну с вами разговаривать всерьёз.

Гога впервые за встречу улыбнулся. Не широко — уголками губ, скорее обозначая улыбку, чем предъявляя её. Ему нравилась эта женщина. Не как мужчине — как деловому партнёру. Она не тратила время на возмущение, не изображала оскорблённую невинность, не грозила позвонить в милицию. Она сразу перешла к цифрам.

— Две тысячи рублей, — сказал он. — В год. За пакет документов, включая командировочные предписания, доступ

к бланкам и человека в отделе кадров, который подтвердит мою личность, если кто-то начнёт копать.

— Дорого, — сказала она.

— Дёшево, если знать, сколько я зарабатываю с их помощью.

— И сколько же вы зарабатываете?

— Пятьдесят тысяч в год. Чистыми.

Она не удивилась. Она кивнула — так, будто цифра укладывалась в её собственные расчёты. Потом отпила ещё чаю и спросила:

— На чём?

— На мехе, — сказал Гога. — На неучтённом мехе, если говорить прямо. Я работаю с несколькими точками — Тула, Рязань, Тамбов. Везде одно и то же: совхозы выполняют план, сдают шкурки государству, получают премии. Но план — это только то, что записано на бумаге. В реальности выход шкурки всегда выше планового — процентов на десять-пятнадцать. Эти излишки можно списать как брак, как падёж, как усушку. А можно — продать через подставных лиц. Я продаю.

— И зачем вам тогда я? — спросила Сталя, и в её голосе впервые прорезалось что-то, кроме деловой вежливости. — Если у вас уже работают четыре точки, зачем вам пятая?

— Потому что четыре точки — это риск, — сказал Гога. — Каждая новая точка — это новый человек, который может ошибиться, проболтаться или просто оказаться жаднее,

чем нужно. Когда точек становится пять, ими уже невозможно управлять лично. Нужна система. Нужен один большой объект, который заменит собой четыре маленьких. И нужен управляющий, который понимает, что мы не воруем у государства — мы просто работаем по другому балансу.

Он сделал паузу. Допил чай. Поставил стакан.

— Ваш совхоз идеален, Сталинина Иосифовна. Я изучил отчётность за последние три года. План выполняется стабильно, падёж ниже среднего по области, качество шкурки — выше. При этом у вас очень удобное расположение. Удобные корпуса. И, судя по всему, очень высокая производственная дисциплина.

Она молчала. Её лицо оставалось неподвижным, но пальцы правой руки чуть заметно сжали подстаканник.

— Но есть одна проблема, — продолжил Гога. — Вы работаете на государство. И получаете за это триста рублей в месяц. А могли бы получать в десять раз больше, если бы работали на себя.

Он открыл портфель и выложил на стол три документа: смету, схему подземной фермы и расчёт прибыли за первый год работы при условии, что объём неучтённого меха составит двадцать процентов от официального поголовья. Схема была нарисована от руки, но с инженерной точностью: вентиляция, клетки, поилки, убойный цех, сушилка, пошивочная. Каждая цифра — с обоснованием. Каждый риск — с вариантом прикрытия.

Сталинина взяла смету. Пробежала глазами. Пересчитала итог. Перепроверила расходную часть. Подняла голову.

— Вы предлагаете мне построить под землёй второй совхоз, — сказала она. — С нуля. На моей территории. За мой счёт.

— За наш счёт, — поправил Гога. — Я вкладываю стартовый капитал: оборудование, замки, вентиляцию, первый закуп неучтённого поголовья. Вы вкладываете помещение, официальное прикрытие, бухгалтерию и людей. Прибыль — пятьдесят на пятьдесят.

— Шестьдесят на сорок, — сказала она. — В мою пользу. Помещение моё, люди мои, риск — мой.

— Пятьдесят на пятьдесят. — Гога закурил, не спрашивая разрешения. — Плюс я беру на себя силовые вопросы. У меня есть человек — бывший снайпер, — который обеспечит безопасность. И ещё один — бухгалтер, который сделает так, что ни одна ревизия в стране не найдёт вашу подземную ферму.

Сталя посмотрела на дым. Потом на пепельницу, которой никогда не пользовалась. Потом — снова на смету.

— Зачем вам всё это? — спросила она. — С вашими связями, с вашими деньгами вы могли бы работать в Москве, с крупными цеховиками, с валютчиками, с кем угодно. Зачем вам совхоз в Подмосковье и женщина, которая даже не пыталась воровать?

— Потому что крупные цеховики в Москве — это уже по-

койники, которые просто ещё не знают об этом, — сказал Гога. — Они слишком заметны, слишком жадны и слишком глупы, чтобы вовремя остановиться. ОБХСС пасёт их годами и берёт, когда им нужен показатель. А здесь, — он обвёл рукой кабинет, — здесь глушь. Здесь нет амбициозных ревизоров, нет журналистов, нет случайных свидетелей. Есть только вы, я и двести гектаров леса, в которых можно спрятать что угодно.

Он затушил сигарету в пепельницу, которую Сталя так и не придвинула к нему — он сам дотянулся.

— И ещё одна причина, — добавил он. — Вы умная. Я таких, как вы, встречал три раза в жизни. Все трое сейчас либо в тюрьме, либо в бегах. Женщина с вашим умом в этой должности — это либо чудо, либо ошибка системы. Я не верю в чудеса. Значит, вы научились обходить систему. А такие люди мне нужны.

Сталя взяла лист со схемой. Долго смотрела на него. Потом встала, подошла к сейфу, открыла один замок, потом второй и достала оттуда ещё какую-то папку. Вернулась к столу и положила её перед Гогой.

— Это план фермы, которую я начала проектировать два года назад, — сказала она. — Подземной фермы. Я не знала, с чего начать, и не знала, где взять денег. Но я всё посчитала. Мои цифры почти совпадают с вашими.

Гога открыл папку. Пролистал. Поднял глаза.

— Значит, вы меня ждали, — сказал он.

— Я ждала кого-то, — ответила Сталя. — Не обязательно вас. Но кого-то, кто увидит то же, что вижу я.

— И что же вы видите?

Она закрыла папку. Посмотрела ему в глаза — тем самым взглядом, который её секретарша, наверное, называла «рентгеном».

— Я вижу государство, которое украло у меня отца, семью и право на нормальную жизнь. Я вижу систему, которая платит мне триста рублей в месяц за управление предприятием, приносящим миллионы. Я вижу чиновников, которые подписывают бумаги и получают в десять раз больше моего только потому, что у них нужная фамилия в нужной анкете. И я вижу способ всё это исправить. Но я не ворую корма по кустам — это мелко, рискованно и не даёт настоящего масштаба. Я искала инструмент, а не копеечную прибавку к зарплате. Ваша схема может стать таким инструментом.

Она помолчала.

— Вы предлагаете мне бизнес. Я согласна. Пятьдесят пять на сорок пять в вашу пользу. Но при одном условии.

— Каком?

— Никаких воров в законе. Никаких блатных понятий. Никаких обязательств, кроме деловых. Если кто-то из ваших людей начнёт решать вопросы не по балансу, а по понятиям — я выхожу. Если вы сами вдруг решите, что вы пахан, а не партнёр, — я выхожу. Это не воровской общак. Это закрытое акционерное общество. И я в нём — не доля и не функция.

Я — соучредитель.

Гога посмотрел на неё. Потом на папку. Потом — снова на неё.

— Договорились, — сказал он. — Будем работать.

Они не ударили по рукам. Не выпили за успех. Не обменялись клятвами. Они просто склонились над схемой фермы и начали обсуждать, где лучше разместить вентиляцию и сколько будет стоить цемент для третьего яруса.

Через четыре часа Гога вышел из кабинета. Секретарша уже ушла, коридор был пуст. Он спустился на первый этаж, миновал стенд с передовиками и вышел на крыльцо. Дождь кончился. Над водохранилищем поднимался туман — густой, белёсый, как простыня. В посёлке зажигались огни.

Шофёр ждал в машине, дремал, положив голову на руль. Гога не стал его будить. Он стоял на крыльце, курил и смотрел, как в сумерках исчезают очертания леса.

Пятьдесят пять процентов, думал он. Плюс контрольный пакет в виде людей, которых она ещё не знает, но которые будут подчиняться только ему. Плюс каналы сбыта, к которым у неё не будет доступа. Через год-два она поймёт, что партнёрство было неравным. Но будет поздно — бизнес уже будет работать, и выйти из него она не сможет.

Он не обманывал её. Он просто строил корпорацию. А в корпорации, как известно, разводнение долей — это не предательство. Это грамотный менеджмент.

— В Москву, — сказал он, разбудив шофёра.

«Волга» развернулась и поехала обратно через мост. Гога больше не оборачивался. Он уже всё увидел.

Глава 2. Сталинина: происхождение хищницы

Тбилиси — Москва — Новониколаевка, 1937–1965

В конце жизни, за три месяца до того как лечь в больницу и уже не выйти, мать сказала Стале фразу, которую та потом вспоминала каждый раз, когда садилась за месячный баланс. «Твой отец, — сказала мать, глядя в потолок коммунальной комнаты, — думал, что если отдать партии всего себя, партия оценит. Он был умный человек, два языка, орден за Царицын, а так и не понял простой вещи. Нельзя отдавать всё тому, кто не даёт расписки».

Сталя к тому моменту уже пятнадцать лет знала это сама, без материнских уроков. Знала с шести лет.

Тбилиси, Авлабар, 1937–1945

Иосиф Бакрадзе умер апрельской ночью 1937 года в собственной постели, через две недели после того, как арестовали его заместителя по продовольственной программе. Врач констатировал обширный инфаркт. Ему было тридцать девять лет. Семейный доктор, лечивший Бакрадзе ещё с двадцатых годов, сказал вдове: «Он был здоров, Нино. У него остановилось не сердце. У него остановилась вера. Когда человек понимает, что всё, чему он служил, — ложь, сердце не выдерживает. Это не медицинский факт, но это правда».

Стале было шесть. Она не запомнила похорон — их почти не было. Несколько старых товарищей по Гражданской

войне, пришедших в штатском, без орденов, с оглядкой на лестничную клетку. Двое грузин, один армянин. Они постояли у гроба, переглянулись и ушли, не сказав ни слова вдове. Через неделю одного из них тоже арестовали.

Настоящий удар пришёл через месяц после похорон. Заместитель отца — Гиви Чхеидзе, взятый НКВД в ночь на двенадцатое апреля, — на допросах раскололся на третьи сутки. Ему показали протоколы, которых он не подписывал, и фотографии жены, которой он больше не увидит. Он подписал всё. И во всём обвинил Иосифа Бакрадзе.

По версии следствия, именно Бакрадзе был руководителем троцкистской ячейки в Тбилисском горкоме. Именно он планировал срыв продовольственных поставок в Закавказье. Именно он вербовал сторонников и передавал информацию за границу. Тот факт, что обвиняемый уже месяц лежал в могиле, следствие не смутил. Военная коллегия Верховного суда заочно рассмотрела дело и вынесла приговор: признать Бакрадзе И. Г. виновным по статьям 58-1а и 58-11, приговорить к высшей мере социальной защиты — расстрелу. Приговор привести в исполнение посмертно — лишить званий, наград, партийного билета, конфисковать имущество.

Когда мать получила справку о приговоре, она два часа сидела молча посреди комнаты, потом встала и сказала: «Они даже мёртвого не оставили в покое». Это была единственная фраза, которую Сталя услышала от неё за весь день.

Имущество конфисковали в мае. Квартиру в центре — че-

тыре комнаты с лепниной, библиотеку в две тысячи томов, рояль «Беккер» — передали новому заместителю наркома, молодому и энергичному, с усами под Калинина. Мать попросила разрешения забрать хотя бы детские вещи. Ей разрешили. Она собрала два чемодана и узел с бельём. Серебряные подстаканники — свадебный подарок — зашила в подкладку пальто. Это было единственное, что уцелело.

Подвал на Авлабаре нашли через знакомых — тех немногих, кто ещё соглашался разговаривать с семьёй врага народа. Бывшая угольная кладовка, перегороженная фанерной стенкой на две каморки. С одной стороны — они с матерью, с другой — старый еврей-часовщик, которого тоже выселили откуда-то и который ни с кем не разговаривал, а по ночам плакал. Он научил Сталю разбирать часовой механизм — просто чтобы чем-то занять. Она запомнила устройство шестерёнок на всю жизнь. Через много лет она скажет Миркину: «Бухгалтерия — это часы. Если правильно расставить цифры, механизм будет тикать без сбоев».

Мать пошла уборщицей в горком партии — в то самое здание, где когда-то заседал отец. Ирония была двойная: она мыла полы в коридорах, по которым ходили люди, подписавшие приказ о расстреле её мужа. Но ирония — это роскошь. Иронию могли позволить себе сытые. Голодные позволяли себе только работу.

Сталя пошла в школу в восемь лет — поздно, потому что не было денег на форму. Она нагнала программу за год. В

десять она уже понимала, что школа — это не место для знаний, а место для знакомств. Вокруг неё сидели дети партийных работников, военных, директоров заводов. Она не дружила с ними — она налаживала контакты. У кого отец в продовольственном отделе, у кого мать в универмаге, у кого дядя в милиции. Она запоминала. Она ничего не записывала — записывать было опасно. Но память у неё была как гроссбух.

В четырнадцать лет она поняла, что смазливая внешность — тоже актив. Не для романов, а для переговоров. Мужчины по-другому слушают, когда с ними говорит симпатичная девушка с серьёзными глазами. Она научилась пользоваться этим без малейших затрат. Улыбка. Пауза. Взгляд чуть дольше обычного. Ничего лишнего, ничего компрометирующего. Одни только возможности.

Когда мать в сорок четвёртом получила справку о реабилитации отца — «посмертно, за отсутствием состава преступления», — Сталя взяла её, прочитала и положила в коробку с документами. Мать плакала. Сталя смотрела в стену. Она к тому моменту уже знала, что реабилитация — это не справедливость, а очередная бюрократическая процедура. Государство убило отца, а теперь говорило: извините, ошиблись. Государство предлагало забыть. Сталя решила, что ничего не забудет. Но и мстить не будет — по крайней мере, не так, как мстят в книжках. Она заставит государство заплатить. Не извинениями. Деньгами.

Институт и первый брак, 1945–1950

В Тбилисский сельхозинститут она поступала не по призванию. Просто там был конкурс полтора человека на место, и приличные люди туда не рвались — кому нужна агрономия, когда есть юрфак и политех. Но Стале нужен был не престиж, а диплом. Диплом о высшем образовании открывал двери в министерства, а министерства — к бюджетам.

На втором курсе она вышла замуж за Реваза Габашвили — сына председателя райисполкома, симпатичного, добродушного и абсолютно бесхитростного. Брак был расчётом, но не циничным. Ей нужна была фамилия — замужняя женщина вызывала меньше вопросов. Ему нужна была эффектная жена. Сделка, равноправная и честная. Она честно пыталась играть роль. Готовила обед, ходила на семейные ужины, улыбалась свёкру, который мог понадобиться для распределения. Но через восемь месяцев поняла: Реваз — не партнёр, а балласт. Он хотел детей, дом в Кахетии, тихую работу в отцовском хозяйстве. Ей не нужен был дом. Ей нужна была система, которую можно разобрать и собрать заново под себя.

Развод оформляли тихо. Свёкор помог — не хотел скандала. Сталя оставила себе кольцо. Не из сентиментальности — из расчёта. В стране, где одинокая женщина вызывала либо жалость, либо подозрение, вдова была оптимальным статусом. Вдову уважали. Вдове не задавали лишних вопросов. Вдову не пытались выдать замуж. Разведёнка — это пятно на репутации. Вдова — это судьба. Сталя выбрала судьбу, которую можно было предъявить при случае, не вдаваясь в

подробности.

Впервые она назвала себя вдовой через полгода после развода, когда устраивалась на работу в совхоз «Красный Октябрь». Отдел кадров потребовал заполнить анкету — в графе «Семейное положение» она, не дрогнув, вывела: «вдова». Кадровичка, немолодая женщина с усталыми глазами, скользнула взглядом по строчке и сказала: «Сочувствую. Мой тоже на фронте погиб». Сталя молча кивнула. Уточнять, что её бывший муж жив, здоров и торгует вином в Кахетии, она не стала. С этого дня она отвечала на все вопросы о семье коротко и одинаково: «Муж умер». Без подробностей. Без эмоций. Подробности вызывают новые вопросы. Эмоции вызывают недоверие. А короткая сухая фраза закрывает тему лучше любых объяснений.

Кольцо на правой руке стало частью этой легенды. Оно было не дорогим, не броским — простое золотое колечко, — но работало безотказно. Оно говорило: эта женщина принадлежала кому-то, она верна его памяти, она не ищет нового мужа. Иллюзия безупречной биографии, собранная из развода, кольца и двух слов.

Первый совхоз: школа теневой экономики, 1950–1953

По распределению её отправили в совхоз «Красный Октябрь» Тульской области — дыра дырой, семьсот гектаров пашни, двести голов скота, вечно пьяный директор и бухгалтерия в таком состоянии, что ревизоры оттуда выходили с серыми лицами. Сталя попала туда не случайно. Она сама

попросилась в Тулу — узнала через знакомого в министерстве, что совхоз уже три года не проверяли серьёзно, а значит, там происходит что-то интересное.

Директора звали Кузьма Ильич Парамонов. Ему было пятьдесят пять, из них двадцать он руководил этим совхозом. Мужик был хитрый, но ленивый. Он привык, что бухгалтерия работает сама, а он только подписывает бумаги. Сталя пришла на должность экономиста — младшая единица в бухгалтерском штате, четыре человека, все старше неё на двадцать лет как минимум. Главбухом был Марк Соломонович Гурвич — старый еврей, чудом переживший тридцать седьмой (сидел, но вышел по амнистии), знавший бухгалтерию как свои пять пальцев. Он был единственным в конторе, кто понимал, что цифры — это не просто цифры. Цифры — это алиби.

Сталя училась у Гурвича три года. Она сидела у него за спиной, смотрела, как он сводит баланс, и задавала вопросы. Не про проводки — про схемы. Как списать зерно так, чтобы недостача превратилась в усушку. Как оформить падёж скота, чтобы никто не заподозрил. Как провести левый груз через накладные фиктивного контрагента. Гурвич сначала отмахивался, потом насторожился, потом — после года совместной работы — признал в ней ученицу. «Ты не бухгалтер, — сказал он однажды, когда они остались вдвоём в кабинете. — Ты аудитор наоборот. Бухгалтер прячет концы, а ты ищешь, где концы спрятаны. Из тебя выйдет либо большой

прокурор, либо большой вор». Сталя запомнила эту фразу. Через десять лет она повторит её своему новому бухгалтеру — Давиду Миркину, когда будет вербовать его в теневой холдинг.

Гурвич не воровал лично, но он знал, кто ворует. Знал про завсклада, который продавал зерно налево. Знал про завхоза, который гнал самогон из совхозной свёклы. Знал про заместителя директора, который клал в карман премиальные за несуществующих работников. Он их не сдавал — не из жалости, а из делового расчёта. «Тот, кто сдаёт одного вора, — говорил он Стале, — становится опасен для всех остальных. И его убирают. Не милиция, так свои». Сталя усвоила урок. Она никогда никого не сдавала — она накапливала информацию и использовала её, когда наступал подходящий момент.

Момент наступил в пятьдесят третьем. Умер Сталин, пошла амнистия, началась перетряска кадров. Директор Парамонов, почуяв, что пора уходить на покой, решил напоследок украсть по-крупному — оформил списание целого эшелона с зерном, который якобы сгнил на станции. Сумма — сорок тысяч рублей. Сталя узнала об этом от Гурвича, который вёл учёт и видел, что цифры не бьются. Гурвич не хотел вмешиваться — боялся. Сталя — нет.

Она пришла к Парамонову в кабинет с папкой. В папке были не только документы по зерну, но и подборка за пять лет: левые накладные, подписи, свидетельства трёх работни-

ков, готовых подтвердить. Она положила папку на стол и сказала ровно:

— Кузьма Ильич, вы уходите на пенсию. Это правильное решение. Вам нужен покой, вам нужна благодарность от коллектива, вам нужна хорошая характеристика в райком. Всё это у вас будет. При одном условии: вы рекомендуете меня на должность главного бухгалтера, а сами уходите тихо.

Парамонов побагровел. Попытался кричать. Сталя сидела и смотрела, как он краснеет.

— Это шантаж, — сказал он наконец.

— Это сделка, — ответила она. — Вы можете отказаться. Тогда я отнесу папку в ОБХСС, и вы получите не пенсию, а десять лет. Выбирайте.

Он выбрал пенсию. Через месяц Сталя стала главным бухгалтером совхоза «Красный Октябрь» в двадцать семь лет. Гурвич остался её заместителем — она настояла. Он был нужен как учитель и как страховка.

Но она уже тогда понимала: это не её масштаб.

Новониколаевка: захват должности, 1955–1965

Про зверосовхоз «Новониколаевский» Сталя услышала от Гурвича. Тот сказал, что есть под Москвой образцовое хозяйство, где разводят норок, песцов и соболей, обороты — миллионные, мех идёт на экспорт, а главбухом там сидит слепая старуха, которая не видит дальше своей ведомости. «Там можно развернуться, — сказал Гурвич, — но туда просто так не попасть. Нужна протекция».

Протекцию она нашла через свёкра. Бывшего свёкра. Реваз к тому времени уже был женат второй раз и забыл о Стале, но его отец, старый партийный работник, помнил и относился к ней с уважением — «девочка с характером». Она попросила его замолвить слово в Министерстве сельского хозяйства. Он позвонил. Через месяц её назначили главным бухгалтером «Новониколаевского».

Это было повышение, но она ехала туда не за зарплатой. Она ехала за потенциалом.

Директором совхоза тогда был Виктор Степанович Губанов — старый хозяйственник, фронтовик, человек честный до глупости. Совхоз при нём работал идеально: план выполнялся, мех шёл на экспорт, воровали по мелочи, в основном на уровне кладовщиков. Губанов гордился своей честностью. Он вешал на стену переходящие знамёна и выступал на пленумах. Сталя смотрела на всё это и думала: «Ты, Виктор Степанович, не директор. Ты сторож при государственном активе. Тебе доверили миллионную прибыль, а ты её сдаёшь государству по копейке и радуешься грамоте. Идиот».

Она работала с Губановым четыре года, прежде чем начала действовать. Всё это время она изучала хозяйство: корпуса, корма, поголовье, сбыт. Она выяснила, что реальный выход шкурки примерно на пятнадцать процентов выше планового — стабильно, каждый год. Эти пятнадцать процентов списывались как «естественный падёж» и «брак», но на

самом деле… она проверила. Нет, не воровали. Честно списывали. Честно закапывали бракованные шкурки. Честно не докармливали зверей, чтобы не превышать план. Идиотизм в чистом виде.

Она начала вести вторую тетрадь — не официальную, а свою. В ней она записывала каждый процент, каждую тонну кормов, каждую возможную точку утечки. И считала. Если взять эти пятнадцать процентов под контроль, не списывать в брак, а пускать в параллельный поток — сколько это будет? Сорок тысяч рублей в год? Шестьдесят? При существующей базе можно выйти на сто, если грамотно организовать сбыт. В сто раз больше того, что она получала как главбух.

Она понимала: чтобы это реализовать, нужно заменить директора. Губанов никогда не пойдёт на теневое производство. Он слишком честный. Он скорее сдаст её в ОБХСС и будет гордиться этим до конца жизни. Значит, Губанова надо убирать. Не убивать — она не убийца. Убирать по-деловому: найти уязвимость и надавить.

Уязвимость нашлась там, где она не ожидала. У Губанова был сын в Москве, студент Бауманского училища. Сын попал в дурную компанию — играл в карты, проигрался, задолжал крупную сумму каким-то тёмным людям. Губанов-старший, чтобы спасти сына, снял со сберкнижки все сбережения и ещё занял у знакомых. Этого хватило, чтобы закрыть долг, но оставило его полностью опустошённым. И — уязвимым.

Сталя узнала об этом случайно, через секретаршу, кото-

рая подслушала телефонный разговор. Она не стала шантажировать директора долгами сына — это было бы грязно и ненадёжно. Вместо этого она предложила решение.

— Виктор Степанович, — сказала она, зайдя в кабинет с пустой папкой, — я знаю про вашу ситуацию. Не спрашивайте откуда. Я могу помочь. Есть один человек, который готов выкупить часть списанного меха по хорошей цене. Это не воровство — это просто другая форма реализации. Совхозу нужны деньги на премии, на ремонт, на новые клетки. Государство этих денег не даст. А я дам. От вас нужно только не мешать.

Губанов слушал её, и лицо его менялось. Сначала — недоумение. Потом — гнев. Потом — что-то похожее на страх.

— Ты предлагаешь мне воровать? — спросил он.

— Я предлагаю вам не задавать вопросов, — ответила Сталя. — Вы ничего не подписываете, ничего не оформляете. Вы просто закрываете глаза на некоторые операции. Взамен ваш сын получает ещё один перевод, достаточный чтобы закрыть долги окончательно и больше никогда не играть в карты. А совхоз получает неучтённый фонд для премий. Все довольны.

Губанов колебался трое суток. Потом позвал её и сказал: «Делай что хочешь. Я ничего не знаю».

Он думал, что откупился. Он думал, что остался честным человеком, который просто один раз помог сыну. Но Сталя уже знала: человек, который закрыл глаза один раз, закроет

их и во второй. И в третий. И однажды он уже не сможет открыть их, потому что будет сидеть по уши в соучастии.

Она не стала ждать, пока он утонет сам. Она помогла.

Через год после того разговора на совхоз нагрянула внеплановая проверка из областного ОБХСС — по анонимному сигналу. Анонимку написала Сталя. Не от своего имени, разумеется — через подставного кладовщика, которому заплатила сто рублей за услугу. В анонимке сообщалось о «систематических хищениях меха руководством совхоза». Проверка вскрыла недостачу, небольшую, но достаточную для возбуждения дела. Недостача была по тем самым списанным шкуркам, которые Губанов «не замечал». Сталя, как главный бухгалтер, представила документацию, из которой следовало: списание шло с ведома директора. Губанов пытался оправдаться, но его подпись стояла на актах. Он сам их подписал, не глядя, как она и рассчитывала.

Дело передали в прокуратуру. Губанову грозило пять лет. Он не сел — бывшие фронтовики, орденоносцы, имели право на снисхождение. Ему дали условный срок и уволили с волчьим билетом. Сын бросил институт и уехал куда-то в Сибирь. Жена Губанова подала на развод. Губанов спился и умер через три года — сердце остановилось во сне.

Сталя не испытывала угрызений. Она просто убрала препятствие на пути к эффективному управлению. В конце концов, Губанов сам сделал выбор, когда согласился закрыть глаза. Она только ускорила неизбежное.

После увольнения Губанова начались поиски нового директора. Районное управление перебирало кандидатов: одного прислали из области, второго предлагал райком, третьего лоббировал какой-то генеральский родственник. Сталя действовала иначе. Она поехала в Москву с папкой документов — не в райком, а в Министерство сельского хозяйства, к начальнику отдела кадров, с которым она уже имела два разговора ранее. Она показала ему отчётность совхоза за последние три года: перевыполнение плана, стабильный прирост поголовья, ни одной серьёзной ревизионной претензии. И сказала:

— Если поставите человека со стороны, он начнёт менять систему, и показатели упадут. Я здесь работаю семь лет, знаю каждую цифру, каждого начальника участка, каждую норму кормления. Назначьте меня исполняющей обязанности с испытательным сроком. Если через год показатели упадут, уволите.

Начальник отдела кадров колебался месяц. За этот месяц Сталя успела ещё дважды приехать в Москву и один раз — отправить посылку с парой песцовых шкурок на адрес его жены, чисто в подарок к Новому году. В январе 1965 года её назначили исполняющей обязанности. В марте, после успешного прохождения годовой ревизии, — директором.

Так она стала первой женщиной — директором звероовсхоза в Московской области. В газете «Сельская жизнь» вышла маленькая заметка с фотографией: «Сталинина Бакрад-

зе — директор образцового хозяйства». Мать не дожила до этого момента полгода. Может быть, к счастью.

Директорство и поиск партнёра, 1965–1967

Став директором, Сталя получила то, чего ей не хватало все предыдущие годы: полный контроль над документацией. Теперь она не только сводила баланс, но и подписывала приказы. Она могла списывать, завышать, занижать и перераспределять — и никто не имел права спросить, зачем. Только райком, только министерство, только ОБХСС. Но у неё уже были связи в каждом из этих учреждений. Кого-то она знала лично, кому-то передавала подарки через секретарш, до кого-то добиралась через третьи руки. Коррупция в системе была повсеместной и рутинной. Сталя не столько покупала чиновников, сколько платила им за то, чтобы они продолжали не замечать того, что и так не хотели замечать.

Но одного контроля было мало. Она упёрлась в две проблемы: стартовый капитал и сбыт.

Подземная ферма, которую она держала в голове уже несколько лет, требовала серьёзных вложений. Нужно было рыть тоннели, ставить вентиляцию, закупать неучтённое поголовье — а это всё деньги, которых у неё не было. Те несколько тысяч, которые она откладывала с левых премий и списаний, были каплей. Она могла бы начать по-мелкому, как делали все: приторговывать кормами, раздавать шкурки на сторону, класть разницу в карман. Но она понимала: мелочёвка — это всегда риск без серьёзной прибыли. Попасть-

ся на ста тысячах так же легко, как на миллионе. Если уж играть, то по-крупному.

Вторая проблема была ещё серьёзнее. Сбыт. Государство принимало весь мех централизованно — через заготконторы, по фиксированным ценам, с оформлением сотен бумаг. Любая попытка продать шкурку на сторону означала мгновенное появление на рынке неучтённого товара, который обязательно кто-нибудь заметит. Нужен был канал сбыта, который не пересекался с государственной системой. Нужен был человек, который знал рынок, знал покупателей и мог организовать логистику. Нужен был партнёр с деньгами и связями.

Она начала наводить справки уже в шестьдесят пятом. Через цеховиков — тех самых, с которыми она сталкивалась на ревизиях и переговорах, — она вышла на несколько фамилий. Цеховики были разными: одни работали с текстилем, другие с кожей, третьи с продуктами. Кое-кто из них знал рынок меха. Через них она услышала имя: Аврамов. Гога Аврамов.

Ей рассказали, что он начинал в Тбилиси с кражи у местного дельца, отсидел, вышел и ушёл в теневой бизнес. Занялся мехом — не в одиночку, а с несколькими точками в Центральной России. Тула, Рязань, Тамбов — небольшие совхозы, где он, по слухам, ставил своих людей и налаживал каналы сбыта. Рассказывали, что он умён, осторожен и не связан с ворами в законе, хотя блатные знают его и уважают.

Он работал как предприниматель: строил систему, вкладывал в оборудование, страховал риски. И — самое главное — он искал точку для масштабирования.

Сталя поняла: это её шанс. Она навела справки через бухгалтера, который раньше работал в Туле и знал людей Гоги. Передала ему сигнал: «В Новониколаевке есть хорошая площадка, директор готов к разговору». Через месяц ей ответили: «Ждите, к вам приедет человек из министерства». Она поняла: Гога услышал.

Весь шестьдесят шестой год она готовилась. Привела в порядок документацию — белую. Завела третью тетрадь — чёрную, пока пустую. Набросала схему подземной фермы: три яруса, вентиляция от основного корпуса, вход через подвал склада. Посчитала расходы. Вышло около ста двадцати тысяч рублей на запуск — сумма, которой у неё не было, но которая, по её прикидкам, у такого человека, как Гога, могла иметься.

Она не знала, кто он такой на самом деле. Вор? Бизнесмен? Авантюрист? Ей было всё равно, пока он приносит деньги и не задаёт лишних вопросов. Она ждала.

В июне 1967 года секретарша доложила: «Товарищ Аврамов из министерства приехал». Сталя поправила причёску, отодвинула стакан с карандашами на нужный угол и сказала: «Пусть заходит».

Через два часа разговора, когда они уже склонились над схемой подземной фермы, она знала три вещи. Первое: этот

человек — тот, кого она искала. Второе: он попытается её обыграть — так же, как она обыгрывала всех, кто вставал у неё на пути. Третье: она к этому готова. Потому что в её тетради было записано всё — включая заметки о том, как договариваться с партнёрами, которые считают себя умнее всех.

Пятьдесят пять на сорок пять в его пользу? Что ж. Пока.

Глава 3. Гога: не вор, а предприниматель

Тбилиси — Кутаиси — Москва, 1944–1967

Гога впервые увидел, как работают настоящие деньги, в девять лет. Это были не рубли и не облигации госзайма. Это были серебряные карманные часы «Павелъ Буре» с двумя крышками — верхней и задней, — принадлежавшие дяде Сандро, сапожнику с Авлабара.

Сандро носил их в жилетном кармане, на толстой серебряной цепочке, и доставал с неспешностью фокусника: поддевал большим пальцем головку завода, и верхняя крышка откидывалась с тихим, мелодичным щелчком. Под ней открывался белый эмалевый циферблат с римскими цифрами и двумя стрелками. По вечерам, выпив на полстакана больше обычного, Сандро давал часы Гоге. Тот принимал их обеими ладонями. Они были тяжелые, как речная галька, и теплые — нагретые чужим телом.

Задняя крышка, если отвинтить ее ногтем, открывала доступ к механизму — десяткам крошечных шестеренок, мостов и рубиновых камней. А на внутренней стороне этой зад-

ней крышки шла гравировка: «Победителю соцсоревнования от Наркомлегпрома, 1936». Откуда у сапожника с Авлабара такие дорогие часы? Ответ Гога получил позже, когда подрос и начал понимать, что дядя Сандро не просто тачает сапоги. Он — часть невидимой сети. Ему приносят кожу с государственного завода, он шьёт из неё обувь не по госзаказу, а по меркам частных клиентов, которые платят втрое против прейскуранта. Деньги делятся между мастером и завскладом. На выходе все при своих: завод выполняет план, завсклад получает левый процент, клиент носит отличные сапоги, которые в магазине не купишь, а дядя Сандро покупает часы.

Эта схема, простая, как колесо, поразила Гогу сильнее, чем любая из книг, которые он глотал в школе. Он вдруг понял: настоящая экономика — не та, про которую пишут в «Правде». Настоящая экономика — та, которая работает без плана и без отчётности, просто потому что людям нужно есть, одеваться и носить сапоги. И тот, кто организует этот поток правильно, — тот и есть хозяин жизни. Не директор завода. Не секретарь райкома. А дядя Сандро с серебряными часами от Буре.

В тринадцать лет Гога начал работать у Сандро подмастерьем — официально, с разрешения матери, которая была рада, что сын при деле, а не болтается по улице. Неофициально он был курьером. Носил записки, передавал свёртки, запоминал адреса, которые нельзя было записывать. У

него была хорошая память — лучше, чем у многих взрослых. Он никогда ничего не записывал и никогда ничего не путал. Через год дядя Сандро начал давать ему мелкие поручения с деньгами: отнести, забрать, пересчитать, не задавая вопросов. Гога относил, забирал и пересчитывал. В пятнадцать он уже понимал всю бухгалтерию мастерской: приход кожи, расход на официальный заказ, приписки, списание, левый поток. Он видел цифры не как абстракцию, а как движение товара. Кожа пришла — сапоги ушли — деньги вернулись. Разница осела в карманах.

Всё рухнуло в сорок седьмом. Кто-то из клиентов попался на другой афере и, чтобы облегчить себе приговор, сдал всю цепочку, включая дядю Сандро. Мастерскую закрыли, дядю увезли в тюрьму, откуда он уже не вышел. Гогу не тронули — он был несовершеннолетним и формально просто числился подмастерьем. Но урок он усвоил на всю жизнь. Урок был простой: схема, построенная на доверии, уязвима. Один слабый человек в цепочке — и рушится всё. Значит, надо строить систему, в которой слабых либо нет, либо они не знают ничего, кроме своего маленького участка. Каждый должен знать только то, что ему положено, и не иметь возможности сдать остальных даже под пыткой. Это был первый принцип будущей империи Гоги — принцип изоляции информации.

Тбилиси, бокс и первый срок, 1947–1953

После ареста дяди Сандро мать запретила Гоге даже думать о «делах». Он послушался — внешне. Пошёл в вечер-

нюю школу, записался в секцию бокса при тбилисском «Динамо». Тренер — старый армянин с перебитым носом, который когда-то боксировал за сборную Союза, — быстро выделил его среди других мальчишек. «Ты быстрый, — говорил он, — и у тебя реакция. Но главное — ты не боишься пропускать. Трус не может быть хорошим боксёром. Безумец — может, но недолго. Ты не трус и не безумец. Ты считаешь. Это редкость».

Гога действительно считал. На ринге и за его пределами. В восемнадцать лет он весил семьдесят килограммов при ста семидесяти пяти сантиметрах роста, был сухим, жилистым и молчаливым. На городских соревнованиях взял второе место, на республиканских — третье. Но спорт интересовал его не сам по себе. Бокс был для него школой управления страхом — своим и чужим. Он научился смотреть противнику в глаза и понимать, когда тот дрогнет, когда перегорит, когда допустит ошибку. Через много лет этот навык пригодится ему на переговорах с людьми, которые считали себя опаснее любого боксёра, — с чиновниками, цеховиками и оперативниками ОБХСС.

Первая судимость случилась в пятьдесят втором, когда Гоге было двадцать. Это не было случайностью. Он сознательно пошёл на дело, которое планировал около года. Целью был Ашот Григорян — крупный тбилисский цеховик, державший подпольный пошив обуви и торговлю кожами. Гога знал его ещё по арестованному дяде Сандро: Григорян

когда-то был их конкурентом, а после ареста Сандро прибрал к рукам освободившуюся долю рынка. Гога не мстил за дядю — он просто считал, что Григорян — это слабое звено в цепочке, которое можно заменить. А именно — на себя.

План был прост и дёшев. Через знакомого курьера он передал Григоряну информацию о том, что на него готовится облава ОБХСС. Информация была ложной, но убедительной: даты, фамилии оперативников, номера дел. Григорян запаниковал и решил срочно вывезти товар со склада. Гога ждал именно этого. Он знал, каким маршрутом поедет грузовик, знал, кто будет за рулём, знал, что охраны не будет, потому что Григорян экономил. На выезде из города грузовик встретили четверо — Гога и трое его бывших спарринг-партнёров по секции. Водителя связали, груз переложили в другую машину и вывезли в Кутаиси, где у Гоги был дальний родственник, державший сапожную мастерскую. Кожи хватило на полгода работы.

Но Гога допустил ошибку — первую и последнюю в своей карьере. Он пощадил водителя. Не из жалости, а из расчёта: водитель был случайным, он ничего не знал, и Гога решил, что тот не пойдёт в милицию. Тот пошёл. Более того, он описал внешность нападавших, и через месяц Гогу опознали. Ему дали три года общего режима.

Три года в лагере под Кутаиси стали его вторым университетом. Если первым была мастерская дяди Сандро, то вторым — лагерная экономика. В зоне всё продавалось и поку-

палось: хлеб, табак, посылки, места на нарах, снисхождение надзирателей. Цены устанавливал спрос. Валютой были не рубли, а услуги, информация и страх. Гога встроился в этот рынок быстро. Он не лез в блатные иерархии, не пытался стать авторитетом, не демонстрировал силу без нужды. Он просто начал оказывать услуги: кому-то написал письмо на волю, кому-то достал лишнюю пайку, кому-то передал весточку от родных. Через полгода у него была репутация человека, который решает вопросы. Не за понятия, а за интерес.

К концу срока он уже понимал структуру лагерного бизнеса лучше, чем многие старожилы. Он увидел, как общак ворует и как воруют у общака. Он понял, что блатные — не хозяева зоны, а такие же заложники системы, просто с другими правилами. Их власть держится на страхе, но страх — валюта ненадежная. Настоящий контроль дают только деньги, которые работают и за колючей проволокой, и вне её. Если у тебя есть деньги, ты можешь купить и надзирателя, и вора, и свободу. Если у тебя нет денег — ты расходный материал, кем бы ты себя ни называл.

Вышел он в пятьдесят пятом, за два месяца до амнистии, объявленной Хрущёвым. Ему было двадцать три. На руках — справка об освобождении, в кармане — сто двадцать рублей, собранные с лагерных должников. Он вернулся в Тбилиси, но не задержался там надолго. Дяди Сандро уже не было в живых, Григорян сидел по другому делу, мать угасала от

сердца. Ей он оставил деньги и обещание писать раз в месяц. Сам уехал в Москву.

Между блатными и цеховиками, 1955–1962

Москва середины пятидесятых была городом, где теневой бизнес рос быстрее, чем государственная экономика. Хрущёвские реформы, борьба с культом личности, амнистии и перетряска кадров создали идеальную среду для тех, кто умел работать на стыке легального и нелегального. Гога приехал без связей, без документов о высшем образовании и без определённых планов. У него было три вещи: опыт, память и принцип.

Принцип был такой: не воровать у тех, кто слабее. Не связываться с блатными, которые живут по понятиям. Не убивать без крайней необходимости — потому что труп создаёт проблемы, а проблемы стоят денег. Его интересовали не грабежи и не разбои, а товарные потоки. Кожа, текстиль, сахар, спирт, позже — мех. Всё, что производилось государством по плану и распределялось по фондам, имело теневое отражение. Каждая тонна стали, каждый погонный метр ткани, каждая шкурка норки, учтённая на складе, могла быть учтена ещё раз — в другой ведомости, по другой цене, для другого покупателя. Разница между госценой и рыночной ценой составляла сотни процентов. Тот, кто умел правильно оформлять документы, мог становиться миллионером, не прикасаясь к товару руками.

Гога начал с того, что умел, — с кожи. Через бывше-

го лагерного знакомого он вышел на цеховиков, державших несколько точек в Подмосковье. Цеховики — это особый класс советского подполья. Они не были ворами в законе и не были блатными в традиционном смысле. Они были предпринимателями, которые использовали государственные предприятия как ширму. У них были цеха, оборудование, выходы на рынки. Чего у них часто не было — так это хорошей «крыши». Блатные требовали с них дань, милиция — взятки, конкуренты — долю. Цеховики были богатыми, но уязвимыми. Гога предложил им то, что умел лучше всего, — систему безопасности.

Он не стал телохранителем. Он стал консультантом. Приходил в цех, осматривал помещение, анализировал цепочку поставок и находил слабые места: где курьер слишком много знает, где кладовщик слишком много пьёт, где экспедитор слишком разговорчив с любовницей. Он выстраивал изоляцию информации так, чтобы каждый работник знал только свой участок и не мог выдать остальных даже под угрозой. Он вводил правило двух ключей, правило ротации кадров, правило контрольных закупок. Через год работы его услуги стоили уже не фиксированной платы, а доли в обороте. Через два — он стал партнёром в трёх мастерских.

Тогда же он впервые столкнулся с ворами в законе — близко, лицом к лицу.

В пятьдесят восьмом на одну из его мастерских, которая шила кожаную галантерею в Подольске, вышел местный вор

по кличке Гурам Батумский. Гурам был старой формации: лагеря, понятия, коронация на сходняке в Ростове. Он считал, что любой бизнес на его земле должен платить дань в общак. Приехал лично, с двумя помощниками, сел перед Гогой и сказал:

— Ты кто такой, чтобы без спросу работать? Ты вор? У тебя корона есть? Нет? Тогда плати долю. Пять процентов с оборота. По-честному.

Гога смотрел на него и думал: «Ты, Гурам, сидел пятнадцать лет и вышел с теми же понятиями, что и зашёл. Ты живёшь в мире, где сила решает всё, а деньги — это просто бумага, которую можно отнять. Ты не понимаешь, что сила — это тоже товар, и на рынке она стоит ровно столько, сколько за неё готовы заплатить. Ты предлагаешь мне платить за крышу, которую я могу обеспечить себе сам, быстрее и дешевле».

Вслух он сказал другое:

— Гурам, я тебя уважаю. Ты старый вор, у тебя имя. Но мастерская — не воровская малина. Это бизнес. Я не лезу в твои дела, ты не лезь в мои.

— А если полезу?

— Тогда я закрою мастерскую и открою другую. В другом городе. Ты потеряешь доход, я — время. Это невыгодно обоим. Давай договоримся иначе.

Они договорились. Гога не стал платить дань, но предложил Гураму сделку: мастерская шьёт партию мужских кур-

ток для его людей — качественно и в срочный срок, по цене ниже рыночной. Гурам получает товар и перепродаёт его через свои каналы, Гога получает гарантию, что его мастерскую не тронут блатные. Договорились на словах, без расписок, ударили по рукам.

Через полгода Гурам Батумский сел по новому делу, и Гога больше никогда с ним не пересекался. Но тот разговор многому его научил. Он понял главное: воры в законе — это не партнёры и не конкуренты. Это персонажи из другой экономики, которая умирает. Их власть основана на страхе и традициях, но страх и традиции не приносят прибыли. Прибыль приносят цифры. И те, кто умеют эти цифры считать, рано или поздно сожрут тех, кто живёт по понятиям.

Вторая отсидка и отказ от короны, 1962–1964

В шестьдесят втором Гогу арестовали повторно. На этот раз — за хищение социалистической собственности в особо крупных размерах. Дело шила прокуратура Московской области: накрыли мастерскую в Мытищах, где шили кожаную обувь под видом бракованной. Взяли всех — мастеров, бухгалтера, водителя. Гога проходил как организатор. Следствие располагало показаниями бухгалтера, который сломался на втором допросе и сдал всю схему: поставки, счета, распределение прибыли. Гоге грозила расстрельная статья 93-й, часть третья.

Он выкрутился. Не благодаря связям — их тогда ещё не было на таком уровне, — а благодаря тому, что умел счи-

тать. За три года работы мастерской он ни разу не подписал ни одной бумаги лично. Все документы шли через подставных лиц, которые даже не знали его настоящей фамилии. Бухгалтер мог показать, что деньги уходили «куда-то», но не мог сказать, кому именно. Следствие не смогло доказать, что именно Аврамов являлся конечным получателем прибыли. Дело развалилось до суда. Гога получил три года общего режима за «пособничество в незаконной предпринимательской деятельности» — статья по тем временам мягкая, почти техническая.

В лагере его встретили как авторитета. Не вора в законе — но человека, у которого есть деньги и репутация. Ему предложили корону. Организовать сходняк, ответить перед стариками, пройти обряд — и стать Гогой Тбилисским официально, с правом голоса на любом сходе от Владивостока до Бреста.

Он отказался.

Отказ был осознанным и просчитанным. Он видел, что корона — это не власть, а ярмо. Вор в законе связан обязательствами перед общаком, перед старейшинами, перед понятиями, которые запрещают ему работать с государством, жениться, иметь дом и семью, сотрудничать с правоохранительными органами. Гога не хотел жить по чужим правилам. Он хотел строить бизнес, который не будет зависеть от того, что решит сходняк в каком-нибудь «Арагви». Он хотел быть теневым директором, а не коронованным блатным.

— Ты не вор, — сказал ему старый вор Ладо Дербентский, сидевший в том же лагере и наблюдавший за отказом с интересом.

— Я предприниматель, — ответил Гога.

— Это одно и то же. Только воры честнее. Они хотя бы не притворяются.

— Воры притворяются, что им не нужны деньги. А деньги нужны всем. Просто я честно говорю, что работаю ради денег. А воры говорят, что живут по понятиям, но общак воруют так же, как цеховики.

Ладо промолчал. Через много лет он скажет на сходняке в «Арагви», когда будут решать судьбу Гоги: «Это не наш человек. Но он и не враг. Он просто живёт по другим правилам. И пока его правила приносят прибыль, я не вижу смысла их менять». Это решение спасёт Гоге жизнь. Но это будет позже.

Из лагеря он вышел в шестьдесят четвёртом с твёрдым убеждением: система «воров в законе» отжила своё. Будущее — за теми, кто сумеет встроиться в государственную экономику легально, а не прятаться от неё по подвалам. Нужна легальная база. Нужно предприятие, которое будет приносить прибыль открыто — и одновременно служить ширмой для теневых потоков. Нужна должность, которая защитит от любопытства ОБХСС. Нужен директор, который будет работать на тебя, но не будет знать о тебе ничего лишнего.

Нужен совхоз.

Выход на мех и поиск базы, 1964–1967

К меху он пришёл не случайно. Ещё до второй отсидки он консультировал одного цеховика из Тулы, который шил шубы для закрытого распределителя. Меховой бизнес был сложнее, чем кожа или текстиль, — здесь требовалось сырьё высокого качества, специальное оборудование, профессиональные скорняки, — но и прибыль была на порядок выше. Норковая шуба, проданная через чёрный рынок, стоила две-три тысячи рублей. Себестоимость при подпольном производстве была втрое ниже. Маржа доходила до двухсот процентов.

Главная проблема была в сырье. Государство контролировало забой пушного зверя жёстко: каждая шкурка учитывалась, клеймилась и уходила на госпредприятия. Любая попытка украсть шкурку с госфермы означала немедленное возбуждение дела. Но Гога, по своему обыкновению, начал считать — и увидел дыру там, где государство считало, что её нет. Списание.

Каждый совхоз ежегодно списывал часть поголовья как «естественный падёж» и «брак». Проценты были плановыми: допустимый падёж норки — до десяти процентов, песца — до двенадцати, соболя — до восьми. На бумаге это выглядело как неизбежные потери. В реальности опытный зоотехник мог сократить реальный падёж до трёх-четырёх процентов, а остальное — записать как «списанное». Разница между реальным и бумажным падёжом — это и был резерв для

теневого оборота. Шкурки списанных зверей существовали только в документах. В клетках их не было — но и в могильниках тоже. Они уходили налево.

Гога начал скупать эти неучтённые шкурки у мелких зверосовхозов в Тульской и Рязанской областях. Действовал через подставных лиц, никогда не светился сам. Шкурки аккумулировал на съёмном складе в Подольске, там же наладил первичную выделку. Готовый полуфабрикат продавал цеховикам, которые шили шубы для тёмного рынка. За два года он прошёл всю цепочку: от клетки до прилавка. И понял, что останавливаться на перепродаже нельзя.

Перепродажа — это зависимость. Ты зависишь от того, кто выращивает зверя, от того, кто выделывает шкурки, от того, кто шьёт шубу, от того, кто продаёт. На каждом этапе — риск, на каждом этапе — своя маржа, которая съедает твою прибыль. Единственный способ контролировать всё — это замкнуть цепочку на себя. Построить свою ферму, свой цех пошива, свой канал сбыта. Вертикально интегрированный холдинг. В СССР. В 1965 году.

Сказать кому-нибудь вслух — покрутили бы у виска. Но Гога уже видел картинку целиком. Нужен был крупный совхоз, который сможет служить официальным прикрытием. Нужен был директор, который согласится работать по двойной бухгалтерии. Нужен был стартовый капитал — порядка ста-ста двадцати тысяч рублей на строительство подземной фермы, закупку неучтённого поголовья, оборудование. Нуж-

ны были люди, каждый из которых не будет знать о других. Нужна была крыша в КГБ — иначе при первом же доносе всё рухнет.

Деньги у него были — около ста пятидесяти тысяч, вложенных в золото, наличку и товар. Связи — наработанные за десять лет: цеховики, скупщики, пара продажных майоров из ОБХСС, один начальник главка из Министерства сельского хозяйства, который за регулярные подношения подписывал нужные бумаги и делился информацией. Не хватало главного — площадки и директора.

Площадку он нашёл через того самого начальника главка. Тот упомянул, что под Москвой есть зверосовхоз «Новониколаевский» — образцовое хозяйство, план перевыполняет, мех идёт на экспорт. Директор — молодая женщина, вдова, беспартийная, но хозяйство тянет отлично. Начальник сказал это с уважением. Гога услышал главное: женщина, вдова, беспартийная. Уязвима? Возможно. Но если тянет такое хозяйство, значит, умна. А умный директор — это либо идеальный партнёр, либо идеальная цель для вербовки.

Он начал наводить справки. Имя — Сталинина Иосифовна Бакрадзе. Возраст — около тридцати пяти, по документам — тридцать семь (приписала себе два года в институте, чтобы получать стипендию). В совхозе с пятьдесят восьмого, сначала главбухом, потом директором. Сместила предыдущего директора Губанова при обстоятельствах, которые в райкоме называли «кадровым обновлением», а в кулуа-

рах — «подсиживанием». Была в Туле до этого, работала у какого-то старого бухгалтера, считалась его ученицей. Биография чистая, без судимостей, без приводов. Но что-то в этой чистоте Гогу настораживало. Слишком гладко. Слишком правильно. Так не бывает.

Он дал задание своему человечку в Министерстве сельского хозяйства: поднять все документы по совхозу за последние пять лет. Человек поднял и принёс. Гога изучил отчётность за три вечера и нашёл то, что искал. Недостачи не было, списание было ровно в пределах нормы. Но — норма была выполнена идеально, год в год, процент в процент, будто кто-то специально подгонял цифры. В реальной жизни так не бывает. В реальной жизни падёж скачет от сезона к сезону, от кормов, от погоды. А здесь — ровный график, как по линейке. Это могло означать только одно: в совхозе есть человек, который умеет работать с цифрами не хуже его самого.

Он понял: Сталинина Бакрадзе — не просто директор. Она — потенциальный партнёр.

Весной 1967 года он сделал первый шаг: через посредника передал ей сигнал. Через месяц получил ответ: «Ждём». Тогда он оформил фальшивые документы на имя «старшего инспектора отдела пушного звероводства», сел в «Волгу» с шофёром и поехал в Новониколаевку.

Он ехал туда не как вор в законе, не как бандит и не как авантюрист. Он ехал как генеральный директор тенево-

го холдинга, который нашёл подходящую площадку для расширения бизнеса. И он знал: если эта женщина окажется хотя бы вполовину такой умной, как следует из её отчётности, — они построят империю.

Если нет — он закроет вопрос иначе. Но сначала — разговор.

Глава 4. Вербовка Ложкина: наука шантажа

Через две недели после того как Гога впервые переступил порог её кабинета, Сталя положила перед ним папку с личным делом главного агронома.

Дело было тонким — всего несколько листков: анкета, автобиография, копии приказов о назначении, характеристики за подписью предыдущего директора Губанова. Но Сталя, по своему обыкновению, дополнила его собственными записями. Три страницы убористого почерка, исписанные с обеих сторон. Гога взял листки, пробежал глазами и хмыкнул.

— Ты ведёшь досье на каждого сотрудника?

— Только на ключевых, — ответила она. — Ложкин — ключевой. Если мы запускаем подземную ферму, нам нужен человек, который будет отвечать за корма. Без кормов звери дохнут, без зверей нет меха, без меха нет бизнеса. Всё упирается в агронома.

— И чем тебя не устраивает этот? — Гога постучал пальцем по характеристике. — Написано: «Грамотный специалист, ответственный работник, пользуется уважением коллектива». Обычная советская филькина грамота.

— Вот именно, — сказала Сталя. — Слишком обычная. Я работаю с ним два года и вижу то, чего не видят ревизоры. Он ворует.

Гога отложил листки и посмотрел на неё с интересом.

— Ворует — это хорошо. Воровать умеют многие. Вопрос — как.

— Плохо ворует. Мелко, бессистемно и скоро попадётся. Он завышает нормы расхода комбикорма на официальное поголовье, а разницу продаёт через шурина в Дмитрове. Тонна-полторы в месяц. Зарабатывает копейки по сравнению с тем, что можно было бы иметь, и при этом рискует по-крупному: статья 93-я, до десяти лет. Я его не сдаю только потому, что он хороший агроном. Но если мы хотим взять его в дело, нужно сначала взять его за горло.

Гога задумался. Эта логика была ему понятна и близка. Человек, который уже переступил черту, удобен: у него нет морального превосходства, он не побежит в милицию, он будет договариваться. Но такой человек опасен, если за ним не стоит контроль. Значит, контроль должен быть абсолютным.

— Давай посмотрим на него, — сказал он. — Не в кабинете. В кабинете люди врут. Давай посмотрим там, где он работает.

Они вышли из конторы и направились к кормовому складу. Июньское солнце стояло высоко, от водохранилища тянуло прохладой, в посёлке лаяли собаки. По дороге им встретились две работницы в косынках — они поклонились Стале

и метнули быстрый взгляд на незнакомого мужчину в чёрном костюме. Гога не обратил на них внимания. Он смотрел на корпуса ферм, на сетчатые заборы, на дым из трубы сушилки. Он прикидывал, где удобнее разместить подземный вход.

Кормовой склад стоял на отшибе — длинное приземистое здание из силикатного кирпича, с распашными воротами и узкими окнами под потолком. Рядом — эстакада для грузовиков, весы, будка кладовщика. У ворот курили двое грузчиков. Увидев директора, они торопливо затушили папиросы и скрылись внутри.

Ложкина они нашли в дальнем конце склада. Он стоял у штабеля мешков с комбикормом и что-то записывал в толстую тетрадь. Среднего роста, широкоплечий, с ранней лысиной и красноватым лицом — не от здоровья, а от привычки проводить много времени на воздухе в любую погоду. Одет в добротный, но заношенный до блеска пиджак, на ногах — кирзовые сапоги. Увидев начальство, он захлопнул тетрадь и сунул её под мышку.

— Иосифовна, — сказал он, кивнув. — Проверка?

— Знакомьтесь, Пётр Аркадьевич, — сказала Сталя. — Георгий Константинович Аврамов, из министерства. Интересуется нашей системой кормления.

Ложкин перевёл взгляд на Гогу. Рукопожатие у него оказалось крепким, но коротким — он явно хотел поскорее убрать руку. Гога отметил это. Люди, которым есть что скры-

вать, часто торопятся закончить физический контакт.

— Система у нас образцовая, — сказал Ложкин с той особенной интонацией, с какой говорят о «передовом опыте» на партсобраниях. — Комбикорм получаем централизованно, через Минсельхоз. Нормы кормления соблюдаем, падёж в пределах плановых показателей. Могу показать журналы.

— Покажите, — сказал Гога.

Ложкин провёл их в будку кладовщика — крошечную каморку с фанерными стенами, столом, двумя табуретами и сейфом в углу. Из сейфа он достал три журнала в картонных обложках: приход кормов, расход кормов, акты списания. Гога сел на табурет и начал листать. Сталя встала у двери, скрестив руки на груди.

Тишина длилась минуты три. Ложкин стоял у стола, переминаясь с ноги на ногу. Грузчики за стенкой гремели мешками. Где-то на ферме залаяла собака.

Гога закрыл последний журнал и поднял глаза на Ложкина.

— Пётр Аркадьевич, — сказал он спокойно, — у вас очень интересная отчётность. План по списанию выполняется идеально. Каждый месяц — ровно одиннадцать процентов. Ни больше, ни меньше. Вы знаете, что в реальном хозяйстве падёж скачет? Зимой — выше, летом — ниже. После смены кормов — всплеск. После прививок — спад. У вас же — ровный график, как по линейке. Это называется «бухгалтерский падеж». Когда звери дохнут не в клетках, а

на бумаге.

Ложкин побледнел — не сразу, а как-то послойно. Сначала ушла краснота со щёк, потом цвет с губ, потом он стал серым, как старая простыня.

— Я... я не понимаю, о чём вы, — сказал он, но голос его прозвучал глухо и неубедительно.

— Понимаете, — сказал Гога. — Вы завышаете падёж примерно на пять процентов в месяц. Это где-то полторы тонны комбикорма, которые вы не скармливаете зверям, а списываете как «израсходованные». А реальный корм уходит на сторону. Я полагаю, в Дмитров, где у вашего шурина свиноферма. Я прав?

Ложкин открыл рот, но не произнёс ни звука. Он посмотрел на Сталю — та смотрела на него без всякого выражения, как на цифру в ведомости.

— Вы не из министерства, — сказал он наконец, переводя взгляд обратно на Гогу.

— Не из министерства, — согласился тот. — Но это не меняет сути дела. Я располагаю достаточной информацией, чтобы передать её в ОБХСС. Там, я думаю, оценят. Полторы тонны комбикорма в месяц — это восемнадцать тонн в год. По госцене — около двух тысяч рублей. Статья 93-я, часть вторая — до восьми лет. С конфискацией.

Ложкин опустился на табурет. Ноги его, кажется, не держали.

— Чего вы хотите? — спросил он хрипло.

Гога переглянулся со Сталей. Та едва заметно кивнула — продолжай.

— Мы хотим предложить вам работу, — сказал Гога. — Настоящую. Не эту мелочёвку с комбикормом, где вы рискуете восемью годами ради двух тысяч в год. А большое дело, где вы будете получать в десять раз больше и не будете рисковать ничем, потому что все документы будут в порядке.

— Какое дело? — Ложкин поднял голову. В его глазах погас страх и зажглось что-то другое — не доверие, но его дальний родственник. Надежда пополам с жадностью.

— Подземная ферма, — сказала Сталя. — Пушной зверь, неучтённое поголовье, полный цикл от выращивания до пошива. Вы становитесь главным агрономом всего проекта — и официального, и теневого. Ваша задача: обеспечить кормовую базу так, чтобы никто никогда не увидел разницы. Легальные корма идут на легальное поголовье. Списание — грамотное, по документам. А реальный излишек уходит вниз, на подземную ферму. Вы получаете оклад втрое выше нынешнего плюс процент с оборота. И — никакого шурина в Дмитрове. Это опасно, и это мелко.

Ложкин молчал. Он смотрел в стену, и по его лицу было видно, как в голове у него щёлкают шестерёнки — точь-в-точь как в тех часах, что когда-то поразили Гогу в детстве. Приход. Расход. Риск. Прибыль. Срок. Свобода.

— А если я откажусь? — спросил он.

— Тогда, — сказал Гога, поднимаясь с табурета, — завтра

утром в совхоз приедет опергруппа ОБХСС. У них уже будет заявление, подписанное директором, и все документы по списанию кормов за последние два года. Изъятие журналов, обыск на складе, допрос вашего шурина в Дмитрове. Дальнейшее вы знаете лучше меня.

— А если я соглашусь?

— Тогда вы прямо сейчас подписываете заявление о приёме на должность... — Гога сделал паузу, — старшего научного сотрудника по кормам с окладом четыреста рублей в месяц. Официально. А неофициально — становитесь пайщиком нашего предприятия с ежегодной премией в размере двух процентов от чистой прибыли. Это примерно десять тысяч рублей в год на старте. Дальше — больше.

Ложкин снова замолчал. Он думал уже не о риске, а о цифрах. Десять тысяч в год. Его нынешний оклад — сто двадцать рублей в месяц, тысяча четыреста сорок в год. Разница — в семь раз. За вычетом риска — всё равно в пять. И никакого шурина, никаких мутных продаж, никакого страха перед каждой ревизией. Только работа. Работа, которую он знает лучше всего.

— Вы сказали — пайщиком, — произнёс он медленно. — Это значит, я вкладываю свою долю?

— Вы уже вложили, — ответила Сталя. — Два года безупречной работы главным агрономом. Мы это ценим. Пай — это не деньги, Пётр Аркадьевич. Пай — это доверие. Вы получаете долю в бизнесе в обмен на лояльность и профес-

сионализм. Но учтите: из нашего пая выходят только вперёд ногами или в кандалах. Третьего мы не предусмотрели.

Ложкин посмотрел на неё долгим взглядом. Сталя выдержала этот взгляд, не моргнув. Гога закурил, пустил дым в потолок и ждал.

— Я согласен, — сказал Ложкин.

— Хорошо, — сказала Сталя. — Тогда первое совещание — сегодня вечером. У меня в кабинете. Придут ещё несколько человек. Вы их не знаете, они вас — тоже. Познакомимся.

Она повернулась и вышла со склада. Гога задержался на секунду, затушил папиросу о подошву ботинка и сказал Ложкину негромко:

— Пётр Аркадьевич, один совет. Мы не бандиты, мы деловые люди. Но наши дела требуют тишины. Абсолютной тишины. Если вы когда-нибудь решите, что наш разговор можно пересказать третьему лицу — жене, другу, попутчику в поезде, — я об этом узнаю. И тогда наш следующий разговор будет короче. Намного.

Он вышел, оставив дверь открытой. Ложкин сидел на табурете и смотрел в стену, на которой висел старый плакат «Берегите корма — это государственный фонд!». Плакат пожелтел, угол отклеился и свисал вниз, открывая кусок сырой фанеры. Ложкин думал о том, что его жизнь только что переломилась надвое — и он ещё не знает, в какую сторону упадут обломки.

Вечером того же дня в кабинете Стали собрались пятеро.

Кроме неё самой и Гоги, здесь были главный агроном Ложкин, которого пригласили первым; Давид Абрамович Миркин — невысокий сутулый человек в толстых роговых очках, с вечно бегающими глазами и привычкой поправлять манжеты, даже когда они в полном порядке; и Анатолий Петрович Венедиктов — бывший снайпер, а ныне начальник службы безопасности, как его представил Гога. Венедиктов сидел в углу, у окна, и молчал. У него было лицо человека, который спит с открытыми глазами.

Сталя закрыла дверь на ключ и задёрнула шторы. Села за стол. Гога остался стоять у книжного шкафа, сложив руки на груди.

— Начнём, — сказала она. — Все присутствующие знают, зачем мы здесь, но я всё равно повторю для ясности. Мы создаём предприятие. Не артель, не бригаду, не шайку. Предприятие. Его цель — производство и сбыт пушнины, не учтённой государственными органами. Юридически этого предприятия не существует. Фактически оно будет располагаться под землёй, на территории данного совхоза. Я — директор официального хозяйства, Георгий Константинович — генеральный директор теневого. Доли распределены. Теперь — зона ответственности каждого.

Она кивнула Миркину.

Давид Абрамович поправил очки и разложил на столе листки с цифрами. Говорил он быстро, чуть гнусаво, но очень чётко — так, будто читал лекцию студентам-перво-

курсникам:

— Бухгалтерия будет двухконтурной. Первый контур — официальный. Здесь всё чисто: приход кормов, расход, поголовье, забой, сдача шкурок государству. Документы оформляются по всем правилам, подписи подлинные, печати настоящие. Ни одна ревизия не подкопается. Второй контур — теневой. Здесь мы учитываем неучтённое поголовье, неучтённые корма, неучтённый мех. Эти документы хранятся отдельно, в единственном экземпляре, в сейфе у Иосифовны. Доступа к ним не имеет никто, кроме неё, Георгия Константиновича и меня. Каждый месяц я буду сводить баланс: сколько ушло в официальный канал, сколько в теневой. Разница — наша прибыль.

— Вопрос, — сказал Ложкин. — А если ревизор захочет проверить склад и увидит, что кормов меньше, чем по бумагам?

— Не увидит, — ответил Миркин. — Потому что официальный склад — это только часть кормов. Остальное будет храниться отдельно, в подземном помещении. Ревизор видит официальный склад и ведомость. Цифры сходятся. Он доволен. Он уезжает. Все счастливы.

— А если он захочет посмотреть подземное помещение?

— Он не узнает, что оно существует, — сказал Гога. — Вход будет замаскирован под вентиляционную шахту. Только те, кто работает внизу, знают, куда ведёт эта шахта. И никто из них не скажет. Потому что каждый будет знать только

свой участок и не будет знать остальных.

Ложкин хотел спросить что-то ещё, но Сталя подняла руку.

— Теперь корма. Пётр Аркадьевич, это ваша зона. Слушайте внимательно. Схема списания работает так. Совхоз закупает комбикорм централизованно — через Минсельхоз. Корм поступает на официальный склад. Часть идёт на кормление официального поголовья. Часть списывается как «некондиция»: отсыревший, с истекшим сроком, с пониженным содержанием белка. Вы, как главный агроном, составляете акты списания. Я их подписываю. Миркин проводит по бухгалтерии. Списание означает, что государство возмещает совхозу убытки. Мы получаем деньги за корм, которого как бы уже нет. А сам корм уходит вниз, на подземную ферму.

— Сколько можно списать? — спросил Ложкин.

— До пятнадцати процентов от общего объёма, — сказала Сталя. — Это верхний предел, который не вызовет подозрений. Двенадцать — оптимально. Мы будем держаться двенадцати.

Ложкин кивнул. Он уже прикидывал в голове рационы, калорийность, нормы привеса. Цифры складывались. Двенадцать процентов — это достаточно, чтобы прокормить подземное поголовье, но не настолько много, чтобы кто-то в министерстве нахмурился.

— Кто будет кормить зверей внизу? — спросил он.

— Вы, — ответил Гога. — Но не один. У вас будут по-

мощники из числа доверенных работников. Они не будут знать, что находятся под землёй — для них это будет просто «новый корпус». Вентиляция, освещение, температурный режим — всё как наверху. Ваша задача — следить, чтобы звери были сыты, здоровы и давали качественный мех. Справитесь?

— Справлюсь, — сказал Ложкин, и на этот раз в его голосе не было дрожи. Он уже не боялся. Он решал задачу. А задачи он решать умел.

Гога обвёл взглядом остальных.

— Итак, — сказал он. — На сегодня у нас есть директор, агроном, бухгалтер и начальник безопасности. Этого достаточно, чтобы запустить проект. Дальше нам понадобятся зоотехник, который будет вести селекцию, и портной, который возглавит пошив. Обоих я найду в ближайшее время. А пока — начинаем строить.

— Строить? — переспросил Ложкин. — Кто будет строить? Это же подземный объект, тут нужны бетонщики, электрики, вентиляционщики...

— Строителей найду я, — сказал Венедиктов, подав голос впервые за весь вечер.

Все повернулись к нему. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и чистил ногти перочинным ножом. Голос у него был тихий, ровный, почти скучающий.

— У меня есть люди, — продолжил он. — Бывшие сапёры, пара шахтёров, один прораб, который сидел за припис-

ки и теперь нигде не берут. Они умеют копать, крепить своды, ставить вентиляцию. Работать будут ночью, за хорошие деньги. Они не знают, где находятся. Их привезут с завязанными глазами, увезут так же. Платить буду я, из отдельного бюджета.

— Отдельный бюджет — это то, что мы обсуждали, — кивнул Гога. — Статья расходов на безопасность. В неё входят строительство тоннеля, оборудование входа, замки, сигнализация и оплата людей Венедиктова. Я вношу эти деньги из своего кармана.

— А если кто-то из строителей проболтается? — спросил Миркин.

— Не проболтается, — сказал Венедиктов. — Во-первых, они работают поодиночке и не пересекаются друг с другом. Во-вторых, каждый получает достаточно, чтобы молчать. В-третьих, каждый знает: если он откроет рот, я узнаю и приеду. А я приезжаю быстро.

Он сказал это так буднично, что Ложкин поёжился. Миркин нервно поправил очки. Сталя осталась неподвижна — она уже знала Венедиктова и привыкла к его манере.

— Хорошо, — подвела она итог. — Тогда план на ближайшие три месяца. Первое: начинаем строительство подземного корпуса. Венедиктов — ответственный. Второе: Миркин готовит бухгалтерские документы для запуска двойного учёта. Третье: Ложкин пересматривает нормы кормления и готовит схему списания. Четвёртое: Гога ищет зоотехника и

портного. Вопросы?

Вопросов не было. Все пятеро сидели молча, каждый думал о своём. Ложкин — о рационах и калориях. Миркин — о проводках и дебетах-кредитах. Венедиктов — о том, где достать цемент без ордера и чтобы никто не спросил. Сталинина Иосифовна — о том, как долго продержится эта конструкция и кто сломается первым. Гога — о том, что империя начинается не с денег и не с оружия, а с людей, которые сидят за одним столом и знают, что обратной дороги нет.

— Тогда по домам, — сказала она. — Завтра у всех рабочий день.

Они расходились по одному, с интервалом в несколько минут, чтобы не привлекать внимания. Сначала вышел Венедиктов — бесшумно, как тень. Потом Миркин, сутулясь и пряча лицо в воротник. Потом Ложкин — долго мялся в дверях, будто хотел что-то сказать, но передумал и вышел, не прощаясь.

В кабинете остались двое.

— Ну что, — сказала Сталя, — начало положено.

— Начало, — согласился Гога. — Теперь главное — не спешить. Первые полгода — самые опасные. Строительство, подбор людей, отладка системы. Если кто-то ошибётся сейчас, всё рухнет.

— Не ошибётся, — сказала она. — Мы слишком тщательно выбираем.

— Тщательно — да. Но есть вещь, которую нельзя вы-

брать тщательно. Случайность. Кто-то выпьет лишнего. Кто-то проболтается жене. Кто-то попадётся на мелком и потянет всех за собой. Это неизбежно, вопрос времени.

— И что ты предлагаешь?

— Я предлагаю, — сказал Гога, — сделать так, чтобы случайность стоила дорого. Очень дорого. Чтобы каждый из них, прежде чем открыть рот, сто раз подумал: а что будет с его семьёй? С его детьми? С его сбережениями? Мы не можем посадить их на цепь. Но мы можем сделать цепь невидимой и очень короткой.

Сталя помолчала. Потом достала из ящика стола ключ, открыла сейф и вынула оттуда папку — ту самую, с личными делами. Положила её перед Гогой.

— Я уже начала, — сказала она. — На каждого — отдельная папка. Где живёт, с кем спит, кому должен, чего боится. Это и есть цепь. Когда она понадобится — мы её натянем.

Гога пролистал несколько страниц. Усмехнулся. Он не спрашивал, откуда у неё эти сведения. Ему было достаточно того, что они есть.

— Ты страшная женщина, Сталя, — сказал он.

— Я деловая женщина. А ты — деловой мужчина. Поэтому мы и работаем вместе.

Он закрыл папку и вернул ей. За окном сгущались сумерки. Над водохранилищем зажглись первые огни — рыбаки вышли на вечерний лов. Где-то в посёлке залаяла собака, ей ответила другая. Потом всё стихло.

Через три дня на северной окраине совхоза, за кормовым складом, начались земляные работы. Бригада Венедиктова приступила к строительству первого яруса будущей подземной фермы. Официально это называлось «прокладка дренажной системы в связи с повышением уровня грунтовых вод». В бумагах, подписанных Сталей, значилась смета в двенадцать тысяч рублей, выделенных из совхозного бюджета на мелиоративные нужды. Никто в райкоме не задал ни одного вопроса.

Ложкин тем временем сидел над ведомостями и перекраивал нормы кормления. Он работал с утра до ночи, забывая обедать. Жена ворчала, дочери-близняшки просили внимания, но он отмахивался: «Работа, срочный отчёт». Он не мог сказать им правду. Он вообще теперь мало что мог сказать.

В один из вечеров, когда он задержался на складе допоздна, к нему подошёл Венедиктов. Ложкин вздрогнул — он не слышал шагов.

— Не бойтесь, Пётр Аркадьевич, — сказал тот. — Я просто хотел сообщить. Строительство идёт по плану. Через месяц запустим первый ярус. Вам нужно будет подготовить кормовую базу.

— Подготовлю, — сказал Ложкин. — А... что с моим шурином?

— С шурином? — Венедиктов приподнял бровь.

— Ну, в Дмитрове. Я ему раньше корма сбывал. Если я перестану, он может начать задавать вопросы.

Венедиктов помолчал, разглядывая Ложкина с непонятным выражением. Потом сказал:

— Не будет. Я с ним поговорил.

— Когда?

— Вчера. Он всё понял. Теперь он покупает корма в другом месте. И молчит.

Ложкин хотел спросить, о чём именно был разговор и почему Венедиктов называет это «поговорил» так, будто речь идёт о чём-то совсем другом. Но не спросил. Он уже начинал понимать правила игры.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — ответил Венедиктов и исчез так же бесшумно, как появился.

Ложкин остался один в полутёмном складе, среди мешков с комбикормом и запаха рыбокостной муки. Он думал о том, что только что переступил очередную невидимую черту. Ещё месяц назад он был мелким жуликом, который боялся каждой ревизии. Теперь он — пайщик подземной империи, и его безопасность обеспечивает человек, умеющий «разговаривать» так, что после этого разговора исчезают вопросы.

Он не знал, радоваться этому или бояться. Решил — и то и другое. Потому что в его положении страх был таким же необходимым инструментом, как и жадность.

Глава 5. Миркин: чёрная бухгалтерия как искусство

Давид Абрамович Миркин впервые увидел Гогу Аврамова через две недели после того, как тот договорился со Ста-

лей. Было воскресное утро, на Тбилиси наползала июльская духота, и Миркин сидел в своём любимом кафе на проспекте Руставели — том самом, где подавали настоящий кофе по-турецки, а не желудёвую бурду из совхозных столовых. Он читал «Известия», ел пахлаву и никого не ждал.

Гога сел напротив без приглашения. Миркин поднял глаза, окинул его быстрым взглядом — костюм, трость, дорогие часы, — и сразу всё понял. К нему пришли по делу. Серьёзному делу, если судить по качеству костюма.

— Давид Абрамович, — сказал Гога. — Меня зовут Георгий Константинович Аврамов. Я от общих знакомых.

— Каких именно?

— Сандро Кобахидзе. Вы вели его бухгалтерию в пятьдесят шестом.

Миркин отложил газету. Имя покойного цеховика, расстрелянного за хищения в особо крупных, было не тем, что называют при посторонних. Тем более в тбилисском кафе, где за соседним столиком вполне мог сидеть оперативник из ОБХСС.

— Сандро Кобахидзе мёртв, — сказал Миркин. — Уже десять лет как. И я не имел к нему отношения.

— Разумеется, — согласился Гога. — Не имели. Но я сейчас не про него. Я про вас.

Он заказал кофе — по-турецки, с кардамоном, — и без спешки, понизив голос, начал излагать. Миркин слушал, не перебивая. Это тоже была часть его профессиональной при-

вычки: дать клиенту выговориться, а самому считать. Считать интонации, паузы, нестыковки. Считать риски.

Из рассказа Гоги следовало, что под Москвой организуется крупное теневое производство: зверосовхоз, подземная ферма, полный цикл от клетки до шубы. Нужен бухгалтер, способный построить двухконтурную систему такой глубины, чтобы ревизоры из министерства видели только белый контур, а чёрный оставался невидимым даже для сотрудников совхоза. Оплата — доля в прибыли. Условия — неразглашение и лояльность.

— И почему вы пришли именно ко мне? — спросил Миркин, когда Гога закончил.

— Потому что вы лучший. Я навёл справки. Вы работали на три подпольные фабрики в Тбилиси и на одну в Баку. Вы ни разу не попали под следствие. Ваши клиенты попадали, садились, выходили — а вы оставались чистым. Это дорогого стоит.

— Или вы знаете не всё.

— Я знаю достаточно. Знаю, что вы гениальный счетовод. Знаю, что вы умеете прятать цифры так, что даже ваши клиенты не понимают, сколько у них денег на самом деле. И знаю, что вы ушли от последнего клиента, когда почувствовали, что он слаб.

Миркин снял очки, протёр их краешком салфетки и водрузил обратно. Это был жест, который заменял ему паузу для раздумий.

— Вы не всё знаете, — повторил он. — Но хорошо. Допустим, я заинтересован. Сколько?

— Полтора процента с чистой прибыли, — сказал Гога.

Миркин тихо засмеялся. Это был сухой, почти беззвучный смех — так смеются люди, которые давно не находят в жизни ничего по-настоящему весёлого.

— Георгий Константинович, — сказал он, — я не знаю, кто вас финансирует и сколько денег вы вкладываете в этот проект. Но я знаю одно: без правильной бухгалтерии ваша подземная ферма рухнет через полгода. Не потому что вы глупы. А потому что к вам придёт ревизор и за пять минут найдёт дыру в балансе. А когда он её найдёт, он пойдёт дальше. И тогда конец всем: вам, вашей директорше, вашим зверям и вашим шубам. Я — тот человек, который не даст ему найти дыру. Вы это понимаете. Поэтому мы сейчас будем торговаться.

Гога отпил кофе и посмотрел на Миркина с новым интересом. Ему нравилось, когда с ним торгуются. Это означало, что человек серьёзен.

— Три, — сказал Миркин. — Плюс страховка.

— Что за страховка?

— Документы. Я веду учёт не только для вас, но и для себя. Если вы меня убираете — скажем, потому что я слишком много знаю, — эти документы уходят в прокуратуру. Не сразу. Через месяц после того, как я перестаю выходить на связь с одним доверенным лицом. В этих документах доста-

точно информации, чтобы посадить всех участников проекта, включая вас и вашу директоршу.

Гога поставил чашку.

— Вы понимаете, что сейчас сказали мне, что будете меня шантажировать?

— Нет, — ответил Миркин. — Я сказал, что хочу жить. Мне сорок девять лет. У меня слабое сердце, камни в почках и дочь, которая мечтает поступить в консерваторию. Я не хочу умирать из-за того, что какой-то подпольный магнат решит сократить количество пайщиков. Страховка — это гарантия, что я умру своей смертью. Не более того.

— А если я сейчас скажу «нет»?

— Тогда вы пойдёте искать другого бухгалтера. Найдёте какого-нибудь выпускника финансового техникума, который согласится работать за оклад. И через полгода сядете. Потому что выпускник техникума умеет сводить дебет с кредитом, но не умеет скрывать дыры в балансе под видом разрешённых списаний. А я умею. Я занимаюсь этим двадцать лет.

Гога допил кофе. Поставил чашку на блюдце. Посмотрел в окно, где по проспекту Руставели полз трамвай, полный потных пассажиров. Потом снова повернулся к Миркину.

— Два процента. Плюс страховка. И плюс оклад от совхоза — триста рублей в месяц официально. Итого в хороший год — около восьми тысяч. Это справедливо.

— Два с половиной, — сказал Миркин.

— Два. И премия по итогам года из чёрной кассы, если баланс сойдётся без проколов.

Миркин снял очки, протёр их и водрузил обратно.

— И страховка. Но с одним условием, – добавил Гога.

— Каким?

— Документы, которые вы будете хранить у своего доверенного лица, будут запечатаны в конверт. Вскрыть их можно будет только в случае вашей насильственной смерти. Если вы умрёте от камней в почках, конверт сжигается. Мне не нужен компромат, который останется после вашей естественной кончины.

Миркин задумался. Он прикидывал риски: естественная смерть от сердечного приступа вполне вероятна, ему действительно сорок девять, и сердце пошаливает. С другой стороны, если Гога соглашается на страховку так быстро, значит, он уже просчитал, как её обойти. Что ж, это задача на будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.